

Дмитрий Беляков

Байки от фельдшера скорой помощи

Книжка вторая

Дмитрий Беляков

**Байки от фельдшера скорой
помощи. Книжка вторая**

«Издательские решения»

Беляков Д.

Байки от фельдшера скорой помощи. Книжка вторая /
Д. Беляков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932518-1

Второй курс укрепляющей терапии для тех, кто почему то выдержал первый.
Продолжаем процесс умственного развития на фоне всеобщей деградации
населения.

ISBN 978-5-44-932518-1

© Беляков Д.
© Издательские решения

Байки от фельдшера скорой помощи

Книжка вторая

Дмитрий Бе­ля­ков

© Дмитрий Бе­ля­ков, 2018

ISBN 978-5-4493-2518-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зайчик

– Я не буду вам ничего объяснять – мужчина 40 лет явно нервничал – вы просто посмотрите и решите, как быть дальше.

Он задрал полы длинного махрового халата и повернулся к фельдшеру спиной.

– Ох, них... – фельдшер сверил увиденное с поводом, записанным в его карте. Карты ввали, и ввали безбожно. Больной живот, по идее природы, находился спереди, а то, откуда торчали фарфоровые заячьи уши, находилось с обратной животу стороны и определённо ниже поясницы. – Чего только не померещится в три часа ночи? Или это не мираж?

– Пожалуйста, без эмоций. Просто помогите вытащить, и всё. Вы врач, и если будете говорить со мной в таком тоне, то я... – мужчина запнулся.

– Жаловаться будете – подсказал фельдшер. – Не вопрос, жалуйтесь, если хотите. Хотите?

По глазам мужчины было ясно, что жаловаться он, по какой-то причине, совершенно не хочет. Хотя почему «по какой-то»? Причина была налицо. Точнее в заднице. Можно было даже рассчитать размеры этой причины, учитывая, что уши зайца были длиной сантиметров десять.

– Собирайтесь. В больницу поедом. Здесь зайку не вытащить. Уж больно крепко он там вцепился.

– В больницу? – мужчина покрылся холодным потом – А что мне сделают в больнице?

– Прооперируют. Извлекут инородное тело. Потом походите с полгода с дыркой, в которую поставят калоприёмник. Как кишка срастётся – будете жить как и раньше.

– Я не хочу операции – почти завизжал мужчина – я хочу, чтобы это достали и всё. Зачем операция?

Фельдшеру очень хотелось сказать, что после операции мужик точно будет знать, для чего у человека задница. Но он не сказал, и бросив короткое «Собирайтесь.» вышел в коридор, еле сдерживая смех.

Ожидая бригаду, водитель курил около машины. Увидев выходящих из подъезда фельдшера и больного, он выбросил окурок и открыл дверь салона. Мужик залез первым и встал враскорячку в проходе.

– Э, нет, уважаемый. Так ехать запрещено. Садитесь в кресло. – водитель всегда соблюдал технику безопасности.

По выражению лица «больного» фельдшер понял, что жить его водителю осталось недолго. От силы минуту. Поэтому шустро уложив мужика на носилки лицом вниз, фельдшер, сдерживая приступ хохота, оттащил водителя от боковой двери и, дав ему указание в какую больницу ехать, вернулся в салон скорой. Собрав всё своё самообладание, весь недолгий путь до больницы, фельдшер глядел в окно, считая фонарные столбы.

Сдав мужика хирургу, фельдшер вышел на свежий воздух, где его пробрал новый приступ хохота, который он уже не стал сдерживать. Водитель тоже смеялся, не понимая как сути

происходящего, так и того, как близко он находился от того момента, когда брненное существование человека переходит в вечность.

– Успокойтесь, больной. Ни кто не считает вас извращенцем. Всё в этой жизни бывает. И мы, медики, понимаем это куда больше, чем все остальные. И те, кто вас сейчас осматривает – это практиканты. Будущие врачи. Им это необходимо. Да. Их у нас много. И это хорошо, что есть, кому сменить нас, когда мы уйдём.

Хирург приёмного отделения дал знак стоматологу покинуть смотровую комнату и пригласить из коридора следующего по очереди врача ЛОР отделения.

В коридоре приёмного отделения кто-то истерически хохотал. Но, по уверению хирурга, это смеялись совсем другие люди и совсем по другому поводу.

Фантазии на тему таблеток.

Ребёнок трёх лет от роду действительно был неадекватен. Его блуждающий взор не фиксировался ни на чём. Поставленный на пол, ребёнок начинал клониться то в одну, то в другую сторону, норовя упасть. На вопросы отвечал то правильно, то не попадал. При этом, никаких видимых травм или хотя бы просто синяков у малыша не было.

– Когда всё началось? – фельдшер уже колол мальчику палец скарификатором, беря кровь на сахар.

– Полчаса назад. – взволнованная мать стояла рядом. – Он таблеток наелся. Да бросьте вы свои иголки. Его надо срочно промыть.

– Я разберусь. Покажите упаковку от таблеток.

– Где я вам её возьму? Они, наверное, без упаковки были.

– Что значит «наверное»? Вы видели эти таблетки?

– Не видела. Да бросьте вы фигню всякую спрашивать. Промывайте быстрее, пока он не умер.

– Где он взял таблетки?

– Ну, я не знаю. Мы гуляли на детской площадке. Сын копался в песочнице с лопаткой. Наверное, там нашёл.

Фельдшер ещё раз осмотрел рот малыша.

– Он что? Был чумазый, когда вы домой пришли? Рот в песке был?

– Да не был он чумазый! – мама начинала истерить – Делайте что-нибудь скорее. Промывайте!

– Мыть не буду. Насчёт таблеток сомневаюсь. Поехали – фельдшер взял ребёнка в охапку – здесь я ничем не помогу. Срочно в больницу.

Пока скорая, пугая окружающих водителей «крякалкой», неслась по разделительной полосе, фельдшер ещё раз начал допрос мамы.

– Куда ездили? Чем болел? Когда болел? Прививки? Ещё раз всё вспоминаем!

– Да, ну я уже говорила. Ничем не болеет. Никуда не ездили. Хотели только послезавтра к маме в Калугу в гости поехать. Вообще-то раньше хотели поехать, да он сопливил неделю. Пришлось задержаться, потому, что с соплями прививку делать в поликлинике отказались. Сказали, как выздоровеет. Вчера пошли в платную. Мне подруга сказала, что у них вакцина лучше, чем в районной.

Фельдшер напрягся. Про сопلي и прививку мамаша при первом опросе не сказала.

– Когда прививку сделали?

– Вчера.

– А врачу сказали, что ребёнок только-только простудой переболел?

– Нет – мамаша удивилась – он же выздоровел. Мы пришли, я сказала, что нам прививку надо. Деньги в кассу заплатила, температуру сыну померили – нормальная. И сделали.

– В реанимации твой. Стабильный. Правильно, что на мамины фантазии не повёлся. Начал бы желудок промывать, глядишь и угробили бы пацана – невролог собирался домой после суток, когда в ординаторскую ввалился знакомый фельдшер. – Да и не такие дети идиоты, чтоб горькие таблетки из песочницы лопать. А диагноз ты почти верный поставил. Только не менингит у парня, а энцефалит. Но тебе, как фельдшеру прощаю – доктор шутя похлопал фельдшера по плечу. – Это ж надо было так совпасть, что живую вакцину на ослабленный иммунитет ребёнку вкололи. Не терпелось им. Меня матёрый инфекционист учил в институте. На каждой лекции твердил: пока минимум два месяца не пройдёт после болезни – никаких прививок. От греха подальше. А теперь всем достанется. И поликлинике, и платникам. И в интернете народ завопит о вакцинах, которыми врачи детей калечат. Жалко, что маме ничего не будет. А надо бы до кучи.

На войне, как на войне.

– Жалоба на Вас, Елена Викторовна. – заведующий пошуршал бумагами и выудил нужную. – Заявитель пишет в министерство, что Вы отказались выполнять свои служебные обязанности, находясь на вызове. А именно – нести пострадавшего из квартиры в машину скорой. Пишет так же, что Вы предложили заявителю пройти по этажам и поискать людей, которые вместо вас понесут носилки. Это поставило заявителя в неловкое положение и он отказался бегать по квартирам в два часа ночи. Так же заявитель пишет, что вместо оказания экстренной (экстренной подчёркнуто) помощи и транспортировки, Вы вызвали службу МЧС, которая приехала только через час. И в течение этого часа состояние пострадавшего ухудшилось.

Я, конечно, понимаю, – заведующий отложил бумажку, что переноска больных ни как не входит в Ваши должностные обязанности, но жалоба есть жалоба. И на неё надо ответить, поскольку спущена сверху для разбора и принятия мер. Сам главврач взял дело на свой контроль. Так что жду от Вас объяснительную. Желательно подробную.

– Я так поняла, что вместо унитаза, главврач решил эту бумажку Вам в кабинет спустить? Однако, ценит он Вас. – смена закончилась час назад и Елене было уже пофигу, что говорить начальнику. Хотелось только одного. Спать. – Чувствую, слухи, что старшие врачи на совещаниях, в открытую кроют нашего главного матом, имеют под собой реальные основания.

– Лишнего не говори – заведующий нервно затеребил лапками. – Радуйся, если замечанием отделаешься.

– За что это? Я ни по закону, ни по физическим параметрам в одиночку не подниму стокилограммовую тушу.

– Вот! – радостно подтвердил заведующий – Ты же это брату пострадавшего не смогла объяснить? Значит нарушение деонтологии: не смогла найти общего языка с родственниками больного. Это даже не замечание. Это выговором пахнет.

– Я при всех своих достоинствах не смогу столько выпить, чтоб найти общий язык с этим...

– Короче – перебил заведующий. Иди и пиши. Чем дольше пререкаемся, тем позже домой пойдёшь.

– Я не обязан делать за Вас Вашу работу. Вы знали, куда шли, а значит, должны были предвидеть – голос подвыпившего мужчины звучал уверенно и с нажимом. – Поэтому или Вы делаете, что должны, или я буду на Вас жаловаться.

– Вам трудно найти помощников? Во первых, это всё-таки Ваш брат. И это он сам, в алкогольном опьянении сломал себе ногу. А во вторых, посмотрите на меня. Я вешу 50 килограмм.

В два раза меньше него. И я одна. И в третьих, по закону я обязана организовать транспортировку больного, а не самостоятельно тащить его с пятого этажа в машину скорой.

– Вот и организовывайте.

– Тогда я вызываю МЧС.

– Вызывайте, раз не умеете работать. Между прочим, во время войны санитарки в одиночку выносили с поля боя и не таких бугаёв.

– Война, говоришь? – подумав, Елена разложила на полу около дивана, где возлежал пострадавший, мягкие носилки – хорошо. Пусть будет война.

Одно движение рук – и больной с зашинурированной голенью перевалился с дивана прямо на расстеленные на полу волокуши.

– А-а-а-а!!! О-о-о-о!!! – заорали хором и пострадавший, и его брат.

– Молчи, сука, пока я тебе башку не оторвала – обращаясь к стоящему над душой жалобщику, Ленка уже застёгивала на пострадавшем привязные ремни. – И ты заткнись. – обратилась она уже к лежащему – будь мужчиной. А то так и сдохнешь тут бабы голой ни разу в жизни не увидев. – она всунула в рот пострадавшего подобие кляпа и, прямо через штаны всадила ему в бедро шприц с двумя кубами морфия. – сейчас полегче будет.

– О-о-о-о!!! – опять заверещал жалобщик – Вы с ума сошли? Что вы делаете?

– Заткнись, гнида, если жить хочешь – она снова гаркнула на ополоумевшего от неожиданной ситуации брата пострадавшего. – Сиди тут и жди, когда МЧС приедет, раз помочь не можешь. От страха только не обделайся.

Анька упёрлась ногами в тумбочку и резко потянула носилки на себя.

– А-а-а-а!!! = опять заголосил переломанный, но Ленка всё тянула и тянула волокуши в коридор квартиры, упираясь ногами во что попало. С тумбочки упал телевизор и взорвался не хуже боевой гранаты. Затем настала очередь серванта, из которого посыпался хрусталь, и вешалки, с которой на пол посыпалось всё навешанное на неё барахло.

– Терпи, милый. Терпи. Немножко осталось. Сейчас до лестницы тебя дотащу, а там легче будет. Сам вниз скатишься. Внизу водитель... – подберёт... на носилки положит... до больницы довезёт... Терпи. Не ори только. Услышат – миномётом накроют – всем будет хреново.

Из последних сил Ленка подтащила волокуши к лестничному пролёту и пихнула их, отчего пострадавший, как на ледянке, поехал по лестнице вниз, оглашая подъезд громкими воплями и стуком головы о ступеньки.

– Порядок – подумала Ленка. Дикая боль взорвала правое плечо, проваливая сознание в темноту небытия.

– Ты что это, мать во сне шумела? Я уж тебя и так, и этак тормозил ночью. Решил утром не будить, а ты теперь вскочила ни свет ни заря. – фельдшер смотрел на обожаемую жену попивая утренний кофе – Теперь уж иди ко мне. Будешь кофе? – И он загремел чашками, выбирая из всех ту, которая так ей нравилась

– Да хрень какая то снилась. – Елена взяла чашку и с наслаждением отхлебнула чёрного ароматного напитка. – Не переживай. Нормально всё.

– Ну, Слава Богу. Я уж думал, опять Чечня приснилась. Или рука, геройски раненная, болит? Дождь будет?

– К дежурству она у меня болит, а не к дождю. Как вспомнит, сколько всякой фигни приходится писать, сразу болеть начинает. Собирайся, давай. Завтра сменю тебя. Ящик не забудь пополнить. Чего-нибудь не досчитаюсь – жалобу на тебя начальству напишу. Оно кляузы любит.

– Вы не посмеете, мой генерал – фельдшер шутливо вытянулся во фронт – Вы честная женщина, а не какая то-там... начальство.

Демографический взрыв.

– Я сожалею, но в вашем случае лучше прервать беременность – врач вот уже битый час объяснял настойчивой пациентке суть проблемы – Поймите меня правильно. Ваша отягощённая наследственность. Плюс алкоголизм мужа. Скорее всего, и ребёнок был зачат как раз после очередной пьянки. Риск родить неполноценное дитя очень велик. Вам трудностей в жизни мало? Хотите и ребёнка своего будущего на мытарства подписать?

– Это моё личное дело, что я хочу – молодая женщина упрямо стояла на своём – Я хочу ребёнка. Я хочу быть матерью.

– Матерью ребёнка-инвалида – поправил врач.

– Вы так уверены, что он родиться инвалидом?

– На 95%. Анализы и результаты УЗИ не предвещают ничего хорошего. Вы очень поздно встали на учёт. Срок достаточно большой. Единственное, чего я боюсь, что после прерывания беременности на таком сроке, у вас будет риск остаться бесплодной.

– Большой риск?

– Ну... пятьдесят на пятьдесят. Но, будем надеяться, что всё пройдет успешно, и вы ещё сможете родить.

– Мы будем надеяться, что вы ошибаетесь относительно моего ребёнка. – женщина поднялась со стула давая понять, что разговор окончен – До свидания.

Врач с грустью посмотрел на закрывшуюся дверь и вздохнул.

Внезапно начавшиеся преждевременные, очень преждевременные роды произвели на свет полукилограммовое тельце. Только слегка подрагивающая пуповина говорила о том, что где то внутри этого синего тельца есть какое то подобие жизни.

– Беда... – неонатолог были все в мыле – Третий раз останавливается. Только задышал и на тебе. Давай заново всё...

– Ну, Слава Богу!

Через четыре месяца ребёнок был выписан из перинатального центра. Неонатолог с грустью посмотрел вслед садившейся в такси мамы, прижимавшей к себе обретенное дитя.

– Будете! Сколько мне надо, столько и будете приезжать! Я не медик. И мне государство не такую большую пенсию на ребёнка платит, чтобы я за сиделку платила. Знаете, сколько я за десять лет на одни только лекарства потратилась? Попробуйте такого ребёнка без отца растить! – молодая женщина звывала к бригаде. – Если сами ездить не хотите – везите в больницу!

– Вашего ребёнка только что выписали из больницы. В очередной раз. – фельдшер битый час объяснял настойчивой маме суть проблемы. – В больнице вам всё расписали, что и как делать. Вот же я читаю: диагноз... рекомендации... терапия. И всё это вы должны делать сами. Понимаете? Са-ми! А не вызывать каждый раз скорую.

– Нет! Вы не медики. Это твари какие то! Да что ж такое! Я! Мать ребёнка-инвалида не могу получить помощь от скорой, которая обязана этим заниматься! Я не могу положить ребёнка на обследование, когда это необходимо! Да я в министерство напишу, как вы к больным относитесь!

– Пишите. – фельдшер поднялся со стула, давая понять, что разговор окончен. Выйдя в коридор он обернулся и грустно посмотрел на захлопнувшуюся за ним дверь.

«В стране неуклонно улучшается демографическая обстановка. Открываются новые перинатальные центры, в которых наши врачи научились выхаживать новорождённых с мас-

сой тела менее 500 грамм. Вследствие этого существенно уменьшилась смертность новорождённых и детская смертность в целом».

Участковый педиатр выключила телевизор, где очередной чиновник рассказывал об успехах в медицине, и грустно вздохнула. Пора было спать. Завтра на работу. Опять одна на два участка.

Рекордсмен.

К этому дятлу выезжала уже четвёртая бригада. То, что это был один и тот же человек, стало понятно после возвращения третьей бригады. Человек в полном алкогольном неадеквате шёл по только ему известному делу, вдоль Второй Владимирской улице по направлению к шоссе Энтузиастов. На каждом перекрёстке, тормозя у светофора, он падал, и прохожие тут же набирали 03. Приезжающие бригады человек встречал отборным матом, кое – как поднимался на ноги и продолжал свой нелёгкий путь. Бригада уезжала, а на следующем светофоре ситуация повторялась с точностью до буквы.

И так четыре, а затем и пять раз – ровно по количеству работавших светофоров. Наконец, после двух часов марафона, мужик добрался до шоссе, и в изнеможении присел на ступеньки, ведущие в небольшой магазин. Его левая ступня была неестественно вывернута, на лбу виднелись свежие синяки, а правая рука была ободрана от кисти до локтя, что указывало на не всегда грамотные приземления. Понять, какие именно травмы он получил в процессе перехода, а какие раньше, возможности не представлялось. Вызванная охранником магазина скорая (шестая по счёту) была встречена всё тем же матом и попытками встать и идти дальше. Но, если материться он ещё мог, то встать и идти уже стало проблематично.

Фельдшер с водителем, под мат и слабые попытки сопротивления индивида, быстро загрузили его в машину. Мужик был осмотрен, его нога зашинурована, а гематомы на голове не вызывали сомнений, что не помешает рентген его пустой черепушки на предмет хотя бы наличия головного мозга, не говоря уж о его, мозга, сотрясении.

– Ты материться то заканчивай. В больницу едем. Там таких не любят.

Но мужик, не слушая увещаний, продолжал своё.

В приёмном, врач быстренько написал назначения и передал матершинника (тот всё никак не мог уговориться) лысому медбрата, вид которого внушал уважение любому хмырю. Но этот экземпляр был бесстрашен сверх меры, а может и бессмертен, раз обматерил медбрата последними словами.

Эта ошибка в деонтологии стала последней каплей, выведшая медбрата из себя. Оглядев коридор, и никого, кроме фельдшера, дописывающего карту, в приёмнике не обнаружив, медбрат подкатил кресло каталку с бушующим пациентом к началу длинного коридора, заканчивающегося железной дверью в рентген кабинет...

Мимо сидящего на лавочке фельдшера на высокой скорости пролетело кресло каталка с матерящимся в нём пассажиром. В «конце тоннеля» гоночный болид врезался в железную дверь. Седок по инерции вылетел из кресла и смачно приложился головой аккурат повыше дверной ручки. После чего упал обратно, и кресло, так же соблюдая законы физики, откатилось на метр – два назад.

– Чего шумим? Сейчас открою – рентгенолог открыл дверь и увидел мирно стоящего медбрата, бережно придерживавшего за плечо тихо сидящего в кресле пациента. Лицо медбрата не выражало ничего, кроме сочувствия и сострадания.

– Завози.

– Что ж ты так? – фельдшер улыбаясь обратился к проходившему мимо медбрата – мягшее надо быть с пациентами. А ежели б он о ручку двери ударился?

– Я не первый год здесь – в тон фельдшеру ответил медбрат. – У меня всё до миллиметра выверено. Никаких дополнительных травм, кроме уже имеющихся. Это закон всей воспитательной терапии отделения «пьяной травмы». Кстати, поздравь. Сегодня побит предыдущий рекорд пересечения коридора на кресле каталке с матерящимся гонщиком.

И стало их четыре...

Трель навигатора вывела фельдшера из раздумий.

– Куда? – водитель по привычке принял вправо и остановился, давая возможность фельдшеру записать вызов.

– Ого! – фельдшер назвал адрес – Поехали. Потом запишу. Там падение с высоты на стройке.

– Это не та, где мы дня три назад пневмонию из вагончика забирали?

– Именно. И три дня назад. И шесть дней назад. Я скоро их всех в лицо знать буду.

– А без меня когда ездил, там что было? – водитель включил сирену, лихо, но аккуратно разворачиваясь через всю полосу перед оторопевшими от наглости автомобилями.

– Аппендицит.

– Ясно. Теперь на экстрим перешли – водитель вдавил в пол педаль газа.

Ворота стройки были закрыты. Не смотря на криканье спецсигнала и удары по самим воротам деревянной дубиной, найденной фельдшером тут же на месте.

К моменту, когда фельдшер уже собирался отзвониться на Центр, дабы поведать ответственному врачу всю суть своего негодования, рядом со скорой возник милицейский «бобик».

– Не хотят? – лейтенант поправил на широком пузе автомат.

– Неа. – фельдшер отбросил дубинку. – Может, стрельнешь?

– Не положено сразу – лейтенант поднёс к губам микрофон матюгальника – Ворота открываем или как? – «бобик» аж завибрировал от ожившего у него на крыше громкоговорящего.

Железные ворота медленно поползли в сторону.

– Ты что это? – лейтенант слегка прижал к фанерной будке щуплого гастарбайтера, выполняющего роль сторожа – Сопровождаемся властям?

– Спал... Спал... – гастарбайтер смирно терпел невзгоды службы.

– Куда врачу идти?

– Куда? – строитель изобразил непонимание – Врачу?

– Ты мне тут кино не пародируй? – лейтенант опустил бедолагу на землю – Где пострадавший?

– Нет пострадавший – гастарбайтер затряс головой – Здоров все.

Лейтенант обернулся к фельдшеру

– У тебя тоже падение с высоты повод?

– Именно.

– Ну-ка всех сюда давай – лейтенант грозно посмотрел на гастарбайтера, и тот послушно побежал куда-то вглубь конструкций, по пути созывая своих «коллег по несчастью».

Через пару минут перед очами прибывших стояло пять человек в спецовках и оранжевых жилетах.

– Все? А что-то мало вас. Неделью назад десять было. Как негрятят. Отвечаем быстро: кто упал, куда упал и где он сейчас?

– Не падал никуда – один из строителей сделал шаг вперёд. – Не падал. Работаем.

Фельдшер порылся в девайсе, нашёл номер вызывавшего и нажал кнопку соединения. В кармане одного из присутствующих зазвенел телефон.

– Вот он вызывал – фельдшер указал на скромно стоявшего рабочего. – Телефон поделился.

– Сюда иди! – лейтенант за шкуру выдернул залётчика из импровизированного строя.

– Уехал – без предисловия начал залётчик – Уехал лечиться. Сам уехал. Начальник поехал с ним на машине. Упал. Не сильно. Начальник денег взял, его взял и повёз.

– Ну, езжай, коли так – лейтенант повернулся к фельдшеру – Пострадавшего на месте нет, а с остальными мы тут сами разберёмся. Остальные где? – лейтенант опять повернулся лицом к строю.

– Двоих депортировали – подал голос второй милиционер, стоявший около машины.

– Двоих я вывез. – включился в подсчёт фельдшер – Один с пневмонией, второй с аппендицитом.

– Ага! И один поехал сегодня. Тогда сходится – лейтенант удовлетворительно кивнул и обернулся к стоявшим – И их осталось пять. Хотя – нет. Один не выключил мобилу и стало их четыре. Этого – он указал на стоящего рядом рабочего с телефоном – в отделение.

– Да там места живого не было! – врач размахивал руками, изображая, как он со своим фельдшером, из жигулей четвёртой модели доставали переломанного парня лет двадцати пяти. – Хорошо гайцы рядом были, помогли.

– Авария что ль?

– Да не авария! Вроде упал. Откуда упал, куда упал – ничего не известно. Мужик, который за рулём жигулей, сказал, что нашёл на улице, подобрал и повёз в больницу. А он по пути умирать начал. Мужик испугался и встал посреди шоссе. Бегаёт вокруг машины, орёт. Тут гаишники мимо ехали. Ну, и нас вызвали. Я парня забрал, а гаишники этого мужика.

– Жив парень то?

– Да какое там. Минуты через три помер. Уж качали мы его, качали...

Стоматологический экстрим.

Уж кто ей удалял зуб доподлинно неизвестно, а только к вечеру лунка начала кровить. Сначала понемногу, не вызывая каких-либо опасений. Приходилось только чаще менять кровоостанавливающую губку. Но утром, увидев под щекой густо испачканную кровью подушку, девушка начала переживать. А, после того, как рот был прополоснен водой в процессе умывания, кровь полилась так, что брат тут же завёл старенький «Жигуль» и повёз сестру в стоматологию.

Стоматология оказалась закрыта по причине выходного дня. Быстро сориентировавшись, брат развернул машину и, уже через 15 минут, въезжал в столицу. Сестра сидела рядом, держа перед собой трёхлитровую стеклянную банку, куда, дабы не запачкать салон, периодически сплёвывала скопившуюся во рту кровь.

Работая сразу на трёх работах, юный врач успел нахвататься опыта, которого хватило бы на дюжину профессоров вместе взятых. В приёмном покое городской больницы он дежурил по экстренной стоматологии. В челюстно-лицевом отделении солидного института набирался опыта протезирования и восстановления дефектов лица, а в платной клинике около дома зарабатывал на жизнь, пломбируя (а то и удаляя) зубы всем, кто готов был выложить подъёмную сумму в рублях, дабы не стоять в очередях городской поликлиники. Кроме того, как начавший свою трудовую деятельность фельдшером на скорой, доктор приобрёл железную хватку во всём, что касается неотложных состояний. Сам владелец частного стоматологического кабинета, вечно экономящий и постоянно жалующийся на тяжёлые времена, распорядился обеспечить кабинет всем тем, что потребовал от него его напористый подчинённый.

Сидевшие перед дверью кабинета молчали. Так обычно и бывает в стоматологии. Здесь в очереди, в отличие от обыкновенной поликлиники, разговаривают мало, предвкушая встречу со страшной бормашиной и гигантскими щипцами для удаления не то что зубов, а всего скелета человеческого через ротовую полость.

Именно в эту тихую и нетерпеливую минуту, не глядя по сторонам, в кабинет стоматолога вошла бледная как полотно девушка. Следом за ней вошёл мужчина, держа в руках какую-то матерчатую сумку. Никто ничего не успел сказать. А может, все подумали, что девушка пришла по записи и сейчас как раз её время. Как бы то ни было (опять же в отличие от обычной поликлиники) никто из восьми ожидающих приёма пациентов не начал военных действий за право быть первым в пыточном кресле стоматолога. Тем более, врач, к которому все были записаны, слыл кудесником, бравшимся исправлять (и исправлявшего) такие запущенные случаи, за которые, если кто-то и брался, то требовал такой гонорар, что волосы вставляли дыбом внутрь. Смысла качать права у стоматолога с такой репутацией, когда проще подождать?

Пока медсестра вызывала скорую, врач остановил льющуюся ручьём кровь. На кушетке стояла двухлитровая банка, заполненная наполовину кровью. Брат девушки был послан встречать скорую и оказать всяческое содействие в помощи бригаде.

– Тебя как преследует... – фельдшер улыбаясь пожал руку врачу после того, как девушка с капельницей уже была загружена в машину скорой. – Зачем вызвал то? Тут больше паники, чем всего остального. Сам же знаешь. Не можешь без экстрима?

– Да уж... – врач тоже улыбался, вспоминая, как с этим фельдшером, который тогда был его старшим по бригаде, впервые выезжали на ножевое ранение. – Никуда не денешься. А скорую положено вызывать. У нас с этим строго. Заодно и на тебя посмотреть. Скучаю я без наших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.